

А. С. Ходнев

УДК 008(091)

<https://orcid.org/0000-0001-9877-8862>

**Культурный трансфер эпохи Просвещения
(учебник всеобщей истории А. Л. Шлецера)**

Для цитирования: Ходнев А. С. Культурный трансфер эпохи Просвещения (учебник всеобщей истории А. Л. Шлецера) // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2 (113). С. 194-200.
DOI 10.20323/1813-145X-2020-2-113-194-200

Целью данной статьи является исследование теоретического и практического наследия Августа Людвиг Шлецера в изучении и преподавании всеобщей истории в России. Двести лет назад А. Л. Шлецер стал автором первого в России учебника по всеобщей истории для детей. Об А. Л. Шлецере и его серьезном вкладе в раннюю русскую историю, культуру и преподавание истории периодически писали крупные российские ученые XIX-XXI вв. А. Л. Шлецер жил в особую эпоху, когда история лишь становилась научной дисциплиной. Учебник Шлецера содержал теоретические проблемы истории, характерные для эпохи Просвещения. А. Л. Шлецер ввел в науку понятие «всеобщая история». Ему же принадлежит первое использование понятия «источниковедение». Всеобщая история должна была, по мысли А. Л. Шлецера, заменить частные истории отдельных государств. Важным трендом в развитии культуры и русского языка в конце XVIII – начале XIX в. и в интеграции России в европейское Просвещение стали переводы книг с иностранных языков. Это был совершенно новый процесс быстрого распространения знаний, который проходил как интерактивная модель культурного трансфера из Европы в Россию и из России в Европу. А. Л. Шлецер стал важным участником этого трансфера. Главное отличие подхода к преподаванию истории Шлецера от современного – избирательность. Шлецер считал, что с помощью учебника надо учить детей русских дворян. Дидактика истории Шлецера основана на неторопливой беседе учителя и ученика, без излишнего назидания. Человек и его жизнь – главное в истории Шлецера. Равенство людей было особенно близкой идеей для А. Л. Шлецера.

Ключевые слова: культурный трансфер, эпоха Просвещения, всеобщая история, всемирная история, А. Л. Шлецер, М. П. Погодин, М. В. Ломоносов, источниковедение, дидактика истории, домашнее образование.

A. S. Khodnev

**Cultural transfer of the Age of Enlightenment
(textbook on universal history by A. L. Schlozer)**

The aim of this article is to study the theoretical and practical legacy of August Ludwig Schlozer in research and teaching universal history in Russia.

Two hundred years ago A. L. Schlozer became the author of Russia's first textbook on universal history for children. Prominent Russian scholars of the 19th-21st centuries wrote periodically about A. L. Schlozer and his serious contribution to the study of early Russian history, culture and teaching of history. A. L. Schlozer lived in a special age when history only became a scientific discipline. Schlozer's textbook contained theoretical problems on history that were characteristic of the Enlightenment. A. L. Schlozer introduced into science the concept «universal history» (World history). According to A. L. Schlozer the universal history should replace the private histories of specific states. He also owns the first use of the concept «source studies» («*Quellekunde*»). According to A. Schlozer the universal history should replace the histories of individual states. The translation of books from foreign languages was an important trend in the development of culture and the Russian language in the late 18 – early 19 centuries and in the integration of Russia into the European Enlightenment. This was a new process of rapid dissemination of knowledge, which took place as an interactive model of cultural transfer from Europe to Russia, so from Russia to Europe. A. L. Schlozer became an important participant in this transfer. The main difference between the Schlozer's approach to history teaching from the modern one is selectivity. Schlozer believed that with the help of his textbook it is necessary to teach the children of Russian nobles. The didactics of Schlozer's text is based on the form of a leisurely conversation between a teacher and a student, without undue edification. The human being and his life are the main thing in the history of Schlozer. Equality of people was a particularly close idea for A. L. Schlozer.

Keywords: cultural transfer, Enlightenment, universal history, world history, A. L. Schlozer, M. P. Pogodin, M. V. Lomonosov, source studies, didactics of history, home education.

Современному российскому преподавателю истории важно знать о том, что Август Людвиг Шлецер стал автором первого учебника всеобщей истории в России. В 2019 г. исполнилось 190 лет с момента публикации в переводе и с предисловием М. П. Погодина первой части «Введения во всеобщую историю для детей» [Шлецер, 1829]. Это издание стало в XIX в. во многом поворотным для российских учителей, детей, родителей и читателей. А. Л. Шлецер способствовал развитию в России преподавания всеобщей истории и дидактики истории. Об А. Л. Шлецере и его вкладе в русскую историю, культуру и преподавание истории периодически писали крупные российские ученые [Валк, 1975; Черепнин, 1984]. В начале XXI в. специалисты высоко оценивают другие достижения А. Л. Шлецера, например, его вклад в русскую науку о финансах и статистике [Аникеева, 2013]. В 2011 г. в Германии появилось большое исследование дидактики истории Шлецера [August Ludwig v. Schlözer, 2011]. Научные статьи о роли А. Л. Шлецера в разработке историко-критического метода появляются в далекой Бразилии [De Melo Araujo, 2015].

Биография А. Л. Шлецера связана с Россией

Наследие выдающегося немецкого историка второй половины XVIII – начала XX в. Августа Людвиг Шлецера (1735-1809) прочно связано с развитием и становлением науки истории в России. Главный труд А. Л. Шлецера – тщательное исследование и публикация свода русской летописи «Повести временных лет» Нестора [Шлецер, 1809; Maiorov, 2018]. Известный историк С. Н. Валк, работавший в Ленинградском университете, отмечал, что А. Л. Шлецер приехал в Россию в 1761 г. сложившимся ученым. Еще до появления в Петербурге он имел «высокое понятие» о русских летописях, от которых в Европе ожидали «чрезвычайного расширения всей истории Севера» [Валк, 1975, с. 190]. Он во всем поддерживал стремление сделать гуманитарную науку единой в межнациональном пространстве. Следовательно, А. Л. Шлецер принадлежал к группе ученых, которые видели свою задачу в написании всеобщей истории в духе рационализма XVIII в. как истории с центром мира в Европе. Это соответствовало взглядам на историю эпохи Просвещения. Полной истории Европы не могло быть без изучения Северной и Северо-Восточной Европы. А для решения этой задачи потребовалось изучить русские анналы-летописи. С первых шагов в овладении русским языком А. Л. Шлецер стремился к ознакомлению с русскими летописями. Это было

сложное занятие, потребовавшее глубокого изучения исторического русского языка, поскольку своды были рукописными. Особые способности А. Л. Шлецера к изучению языков много раз упоминаются в разных источниках. К концу жизни немецкий ученый знал около 20 языков [Умбрашко, 2016].

Современные историки считают важнейшей заслугой А. Л. Шлецера первое специальное источниковедческое исследование текста русской летописи «Повести временных лет». Шлецер пронаивно предположил, что переписчики могли делать ошибки или что-то добавлять в текст. Его целью было вскрытие первоначального текста, «очищение» текста летописи Нестора от позднейших наслоений и издание «очищенного Нестора» [Васильев, 2015, с. 5].

Именно А. Л. Шлецер предложил новый термин для гуманитарной научной дисциплины «источниковедение» («*Quellenkunde*»), а также терминологическое описание источника («*Quelle*») [Георгиева, 2011, с. 137]. Это было начало российской исторической текстологии и палеографии.

Современники осознавали влияние А. Л. Шлецера и его авторитет в области русских летописей и изучения русского языка, особенно в первой половине XIX в. Это было связано с популярностью Геттингенской школы в России, в создании которой А. Л. Шлецер прямо участвовал. Вспомним о группе российских интеллигентов и деятелей науки, обладавших, как Ленский по Пушкину, «с душою прямо геттингенской» [Пушкин, 1986, с. 210]. В первой половине столетия, как и во времена А. Л. Шлецера, именно научные методологические подходы, зародившиеся в университете Геттингена – тогда мировом центре истории и филологии, имели наибольшее влияние на изучение русских древних текстов [Вовина-Лебедева, 2011].

Тем не менее в России имя Шлецера связывали обычно с историей норманской концепции основания русского государства. Более чем два с половиной столетия продолжают бесконечные споры «норманистов» и «антинорманистов» в России. А. Л. Шлецер и М. В. Ломоносов стали вождями двух спорящих лагерей в XVIII в. Современный российский историк Ю. А. Васильев полагает, что за спором двух ученых «скрывалось различие исследовательских подходов: историческая критика Шлецера с ее позитивистским вектором не совпала с историческофской парадигмой Ломоносова» [Васильев, 2011, с. 155].

Академик Л. В. Черепнин рассказывал о спорах М. В. Ломоносова и А. Л. Шлецера весьма подробно, употребляя такие эмоциональные оценки, как «Ломоносов был первым, кто вступил в бой со Шлецером, защищая достоинство русской исторической науки». Тем не менее Л. В. Черепнин призвал оценивать вклад Шлецера в изучение русской истории более объективно, подчеркнув, что все критические замечания Ломоносова относились к периоду, когда немецкий историк только приехал в Россию и недостаточно владел русским языком [Черепнин, 1984]. Л. В. Черепнин подчеркивал двойную важную роль А. Л. Шлецера и серьезное изучение им Российской истории: «Русские читатели находили в работах Шлецера всемирно-исторический взгляд на прошлое их родины, читатели иностранные знакомились по ним с историей России» [Черепнин, 1984, с. 65].

В 1804 г. по инициативе А. Л. Шлецера при Московском университете было образовано Московское общество истории и древностей российских. До конца существования Российской империи это общество оставалось одной из самых авторитетных общественных организаций, занимавшихся популяризацией научных знаний по истории России.

В 2019 г. исполнилось 190 лет с момента публикации в переводе и с предисловием М. П. Погодина первой части «Введения во всеобщую историю для детей» сочинения А. Л. Шлецера» [Шлецер, 1829]. Это издание оказалось во многом примечательным для российских учителей, детей, читателей. Издание «Введения во всеобщую историю для детей» 1829 г. отличается очевидный лингвистический прогресс русского языка: текст перевода, выполненный М. П. Погодиным, написан языком XIX в., насыщен языковыми формами, которые были внедрены Г. Р. Державиным, Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским и, безусловно, А. С. Пушкиным. Это был вариант современного русского языка, отличавшийся от XVIII в.

Важным трендом в развитии русского языка в конце XVIII – начале XIX в. и в интеграции России в европейское Просвещение, новый «мир знаний», стали переводы книг с иностранных языков [Caudenys, 2016, с. 722]. Это был совершенно новый процесс быстрого распространения знаний, который проходил как интерактивная модель культурного трансфера в обоих направлениях: как из Европы в Россию, так и из России в Европу.

А. Л. Шлецер стал важным участником этого трансфера.

«Всеобщая история для детей»: концептуальные основы

Всеобщая история вместе с историей России определены как важная часть ФГОС для средней школы в современной России. Требования ФГОС связаны с постижением учащимся сложности мира [Федеральный государственный..., 2011, с. 12]. Примерно те же цели поставил А. Л. Шлецер во «Всеобщей истории». Книга Шлецера – это введение/сопровождение маленького человека в окружающий мир, который оказался сложнее, чем это ранее мыслили.

Двести лет назад научное понятие «всеобщая история» представляло собой несколько иную область, чем сегодня. Р. Козеллек обращал внимание на то, что такие авторитетные философы, как Лейбниц и Кант, считали исторические тексты частью *искусства* нравственного воспитания и рассматривали историю человечества как *Божий роман*, отправной точкой которого было Сотворение мира [Koselleck, 2004, с. 35-36].

Итак, А. Л. Шлецер трудился в особую эпоху, когда история лишь становилась научной дисциплиной. В известном для многих историков издании «Словарь исторических понятий», появившемся по инициативе Р. Козеллека, подчеркивается, что «смысловое наполнение» термин «История» (*die Geschichte*) получил в последней трети XVIII в., и оно тогда «представляло собой почти неологизм» [Словарь основных..., 2009, с. 126-127]. Например, много споров было по поводу деления истории на «человеческую, естественную и Божественную» [Словарь основных..., 2009, с. 182-184], а включение священной истории на основе протестантизма во всемирную было подготовлено в Геттингенской школе, к которой принадлежал А. Л. Шлецер [Словарь основных..., 2009, с. 185]. «Включение природы и *historia sacra* (*живая история*) во всеобщий исторический (*geschichtlich*) процесс привело к тому, что понятие истории обрело статус одного из основных понятий человеческого опыта и ожидания» [Словарь основных..., 2009, с. 189]. Лучше всего к описанию этого процесса и реального мира прошлого подходил термин «*всеобщая история*».

В 1785 г. Шлецер утверждал, что «всеобщая история когда-то представляла собой не что иное, как “мешанину из некоторого количества исторических данных”» и служила теологам и филологам «вспомогательной наукой» [Словарь основ-

ных ... , 2009, с. 191]. Шлецер в своих работах ввел новое понимание всеобщей истории – «*Weltgeschichte*» и подчеркивал, что понятие это составное: «Изучать всемирную историю – значит мыслить важнейшие изменения Земли и человеческого рода во взаимосвязи, чтобы, исходя из причин, познать нынешнее состояние обоих» [Словарь основных ... , 2009, с. 191]. Следовательно, Шлецер ввел два отличительных признака новой всеобщей/всемирной истории: в пространственном отношении она охватывала весь земной шар, а во временном – все прошлое человечества.

Новая структура всеобщей истории, с высоким уровнем абстракции, претендовала также на более адекватное отражение реальности в условиях знаний конца XVIII – начала XIX в. Всеобщая история должна была, по мысли А. Л. Шлецера, заменить частные истории отдельных государств. Она помогала выявлять малые и большие причины событий, благодаря чему, как считал Шлецер, сама всемирная история стала «философией», поскольку помогала познать глобальную взаимозависимость всех историй Нового времени. Это было крайне важно в конце XVIII в., поскольку резко усилился интерес именно к истории Нового времени, а все традиционные методы и подходы были разработаны применительно к истории античности. Еще одной новацией, которую предложил учитывать Шлецер, была идея «взаимозависимости по времени» разных частных историй [Словарь основных ... , 2009, с. 192].

Рецепция нового подхода ко всеобщей истории, предложенного А. Л. Шлецером, проявилась во многих странах. В России А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь высоко отзывались о трудах Шлецера. Гоголь оценил в 1835 г., прежде всего, попытку Шлецера обобщить всю ведаемую историю человечества и привести ко всеобщим выводам: «Шлецер, можно сказать, первый почувствовал идею об одном великом целом, об одной единице, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы. Он хотел одним взглядом обнять весь мир, все живущее» [Гоголь, с. 113]. Гоголь назвал Шлецера «великим Зодчим всеобщей истории» [Гоголь, с. 114].

До издания на русском учебник Шлецера «Введение во всемирную историю для детей» появился в 1779 г. на немецком языке («*Vorbereitung zur Weltgeschichte für Kinder*») [August Ludwig, 2011]. Для Шлецера это не был первый опыт создания книги для детей. Он попробовал силы в области издания детской литературы раньше, в 1762-1764 гг., когда работал учителем в

России в пансионе, открытом русским аристократом князем Кириллом Григорьевичем Разумовским (Президент Российской академии наук) в Петербурге. Для учеников пансиона Шлецер написал несколько книг карманного формата. Тематика серии отличалась разнообразием: военное дело, флот, коммерция, история разных стран и народов. Каждая книжка создавалась в соответствии с индивидуальными интересами учеников.

Переводчик текста «Введения во всеобщую историю» и известный историк М. П. Погодин сообщил, что перевод на русский язык был сделан с последнего издания начала XIX в., исправленного и расширенного Шлецером. Отрывки из учебника появлялись в российских журналах 1925-1826 гг. и вызывали одобрительные отзывы читателей [Шлецер, 1829, с. VIII-IX].

Новаторство «Всеобщей истории» А. Л. Шлецера отражено с первых страниц текста – он создал книгу нового типа для детей. Этот текст наполнен теоретическими проблемами истории, в том понимании и формулировке, как их рассматривали в эпоху Просвещения, и в то же время Шлецеру удалось изложить эти вопросы в форме обращения к сознанию ребенка младшего возраста. В этом смысле «Введение во всеобщую историю для детей» (1829) выходит далеко за рамки просто всемирной истории, давая четкие сведения по философии истории, о происхождении и изменении человека и общества в широком смысле.

Для чего нужно было рассказывать историю о сотворении мира? Почему необходимо говорить с ребенком о звездах? Что рассказать ребенку о человеке и его страстях? Что нового следовало знать о политическом устройстве? Ответы на эти вопросы Шлецер дал в небольшом тексте учебника.

Дидактика Шлецера

У А. Л. Шлецера сложился особый взгляд на преподавание истории. Главное отличие от современного подхода – это избирательность. Селективное образование детей элиты было целью Шлецера и составляло суть учебника истории. По мысли Шлецера, учить надо было не всех. Шлецер писал: «Может ли моя ручная книжечка употребляться в общественном преподавании в школах при множестве детей, я не знаю, я ничего не говорю решительно об этом. Я имел в виду преимущественно домашнее или частное воспитание одного дитяти или нескольких, по крайней мере немногих детей» [Шлецер, 1829, с. XIX-XX]. Кроме этого, «Введение во всемирную историю» предназначалось для детей определенного возраста

та и подготовки. А. Л. Шлецер указывал, что книга рассчитана на «десятилетних детей, которые имеют уже значительный запас географических сведений, получили уже некоторые уроки в законе Божиим, и следовательно, Библейской истории» [Шлецер, 1829, с. XI]. Иными словами, А. Л. Шлецер, в соответствии с духом времени, считал, что учить надо подготовленных определенным образом дворянских детей. Следовательно, Шлецер был сторонником домашнего образования, популярного среди дворянской элиты России в конце XVIII – первой половине XIX в. Дети из высших сословий получали в большинстве именно такое образование.

Форма «Введения по всемирную историю» связана с этим обстоятельством. Книга была издана в карманном формате. Шлецер предлагал уроки в виде неторопливой беседы учителя и ученика, без излишнего поучения, возможно, во время прогулки, как это изображено у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»: «Monsieur L'Abbe, француз убогой / Учил его всему шутя, / Не докучал моралью строгий, / Слегка за шалости бранил / И в Летний сад гулять водил» [Пушкин, 1986, с. 183]. Шлецер отвергает бесполезные назидания: «От нравоучений тщательно я старался удерживаться: нет ничего несноснее для пожилых читателей и бесполезнее для молодого неуместного проповедования в Истории» [Шлецер, 1829, с. XVII].

Ю. М. Лотман в комментариях к «Евгению Онегину» писал, что в «таком контексте обучение “шутя” воспринималось как изложение основ педагогики Руссо» [Лотман, 1995, с. 549-550]. Как известно, Ж.-Ж. Руссо полагал, что дети совершенны от природы. По его мнению, обучение должно быть активным, развивать наблюдательность ученика и самостоятельность его суждений на основе непосредственного общения с природой, жизнью, практикой. Шлецер использовал идеи Руссо.

Требования Шлецера к учителю истории не выглядели очень строгими: «...не требует никто еще мнение историка по ремеслу: здесь предполагается только такой, кто изучал Всеобщую Историю в порядке, прослушал курс ее в университете» [Шлецер, 1829, с. XXII]. Следовательно, учителю не нужно иметь университетский диплом или ученую степень, он должен иметь навыки находить правильные сведения по истории.

Любопытно, что А. Л. Шлецер призывал учителя, который сопровождал таким образом познание ученика, не бояться признаваться в «незнании» каких-то вопросов, чтобы побудить любо-

пытство самого ученика. Такие ремарки и примеры рассыпаны в тексте книги. Например, А. Л. Шлецер начинает с традиционного рассказа о сотворении мира. Однако библейская легенда нужна была автору как методический прием, подводящий десятилетнего ребенка к самостоятельному поиску и усвоению сложных понятий. Далее он пишет: «Каковы были собою дедушка Адам и бабушка Ева? Желты или белы, неуклюжи или развязны, большого или малого, или среднего роста? – Сказать тебе правду, я не знаю» [Шлецер, 1829, с. 35].

Особенно близкой и дорогой идеей для Шлецера было равенство людей между собою. Равенство людей, убеждает ребенка Шлецер, является естественным следствием сотворения Адама и Евы. Главной заботой Создателя, по мнению Шлецера, был человек и его жизнь: «Земля была так устроена, что люди на ней жить и обитать могли» [Шлецер, 1829, с. 2]. Шлецер призывал маленького слушателя понять, что Земля – «малейшая крошечная частица вселенной» [Шлецер, 1829, с. 1-2], в которой существует много звезд, и, возможно, много планет обращаются вокруг них, как Земля вокруг Солнца.

В последних главах книги Шлецер разбирает политические и социальные вопросы в разных обществах. Среди них центральное место занимала теория общественного договора, появившаяся в эпоху Просвещения. Шлецер представлял ее сложность для понимания ребенка. Он попытался и здесь найти ниточку, ведущую от детского опыта к научному понятию: «Где много детей вместе, там бывает ссора; где много взрослых, там также заводится ссора в продолжение времени. К первым является папа с розгой, и мир водворяется. Но если подерутся между собою большие люди, целые семейства с семействами, десять семейств на одной стороне с десятью семействами на другой стороне, кто может водворить мир? Никто!» [Шлецер, 1829, с. 63]. Выход из этого случая только один: организация государства, без которого человечество не могло расти и развиваться.

Таким образом, до конца жизни А. Л. Шлецер содействовал укреплению российско-немецких научных и культурных связей как в главных институциональных событиях, так и в личном плане. Например, помогал русским студентам, приезжавшим в Геттингенский университет. А. Л. Шлецера восхищала Россия, богатство ее исторических памятников и прошлого, он хотел открыть это великолепие для Европы. Велика роль и влияние А. Л. Шлецера в становлении препода-

вания всеобщей истории в России. Книга карманного формата «Введение во всеобщую историю» стала примером того, как крупный ученый-гуманитарий эпохи Просвещения понимал свою задачу коммуникации с обществом с целью передачи новых знаний о Вселенной, о мире и истории. Для учащихся XIX в. было большой удачей учиться истории по этой книге и разговаривать о звездах.

Библиографический список

1. Аникиеева А. А. Роль А. Л. Шлецера в развитии отечественной финансовой мысли // Финансы и кредит. 2013. № 38. С. 66-77.
2. Валк С. Н. Август Людвиг Шлецер и Василий Никитич Татищев // XVIII ВЕК. Том 10. Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1975. С. 190-199.
3. Васильев Ю. А. Начало исторической науки в Европе: тезаурус Августа Людвиг Шлецера // Знание. Понимание, Умение. 2015. № 2. С. 152-160.
4. Вовина-Лебедева В. Г. Издания и исследования русских летописей в первой половине XIX в. на фоне европейского опыта // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. № 4. С. 3-12.
5. Георгиева Н. Г. «Припасы», из которых «почерпать должно известия»: понятие «исторический источник» в трудах историков XVIII в. / Н. Г. Георгиева, В. А. Георгиев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 3. С. 127-140.
6. Гоголь Н. В. Арабески. Москва : Наука, 2009. 536 с.
7. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий : пособие для учителя // Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1995. С. 472-762.
8. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Сочинения : в 3-х т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. Москва : Художественная литература, 1986. С. 186-353.
9. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи : в 2-х т. Т. 1 / пер. с немецкого. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 736 с.
10. Умбрашко К. Б. Историографические представления А.-Л. Шлецера // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2016. Т. 6. № 1. С. 138-142.
11. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / Министерство образования и науки Рос. Федерации. Москва : Просвещение, 2011. 48 с.
12. Черепнин Л. В. А. Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки // Отечественные историки XVIII-XX вв. : сб. ст., выступлений, воспоминаний. Москва : Наука, 1984. С. 45-71.
13. Шлецер А. Л. Введение во всеобщую историю для детей / соч. А. Л. Шлецера, б. проф. истории в

Геттинген. ун-те ; пер. с нем. М. Погодина. Ч. 1. Москва : Унив. тип., 1829. 92 с.

14. Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Л. Шлецером. Ч. I. Санкт-Петербург : Императорская типография, 1809. 475 с.
15. August Ludwig v. Schlözer: Vorbereitung zur Weltgeschichte für Kinder. Ein Buch für Kinderlehrer / Hrsg. von Marko Demantowsky und Susanne Popp. Göttingen 2011. 267 S.
16. Caudenys W. Translation and Emergency of as an Academic Discipline in 18-th Century Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. Vol. 17. № 4. P. 721-752.
17. De Melo Araujo A. The truth of the criticism: the historical-critical method of August Ludwig (von) Schlozer and the historical pattern of judgments // Historia da Historiografia. 2015. № 18. P. 93-109.
18. Jordheim H. Synchronizing the World: Synchronism as Historiographical Practice, Then and Now // History of the Present: A Journal of Critical History. 2017. Vol. 7. № 1. P. 59-95.
19. Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. New York : Columbia University Press, 2004. 340 p.
20. Maiorov Alexander V. Schlozer and Karamzin. Struggle for Priority in Studying Russian Chronicles // Studi Slavistici. 2018. Vol. 15. № 1. P. 111-130.

Reference list

1. Anikeeva A. A. Rol' A. L. Shleccera v razvitii otechestvennoj finansovoj mysli = The role of A. L. Schlozer in the development of domestic financial thought // Finansy i kredit. 2013. № 38. S. 66-77.
2. Valk S. N. Avgust Ljudvig Shlecer i Vasilij Nikitich Tishchev = August Ludwig Schlozer and Vasily Nikitich Tishchev // XVIII VEK. Tom 10. Leningrad : Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1975. S. 190-199.
3. Vasil'ev Ju. A. Nachalo istoricheskoy nauki v Evrope: tezaurus Avgusta Ljudviga Shleccera = The beginning of historical science in Europe: August Ludwig Schlozer's Thesaurus // Znanie. Ponimanie, Umenie. 2015. № 2. S. 152-160.
4. Vovina-Lebedeva V. G. Izdanija i issledovanija russkih letopisej v pervoj polovine XIX v. na fone evropejskogo opyta = Publications and studies of Russian chronicles in the first half of the XIX century against the background of European experience // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija. 2011. № 4. S. 3-12.
5. Georgieva N. G. «Pripasy», iz kotoryh «pocherpat' dolzhno izvestija»: ponjatje «istoricheskij istochnik» v trudah istorikov XVIII v. = «Supplies» from which «news must be learned»: the concept of «historical source» in the works of historians of the XVIII century / N. G. Georgieva, V. A. Georgiev // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii. 2011. № 3. S. 127-140.
6. Gogol' N. V. Arabeski = Arabesques. Moskva : Nauka, 2009. 536 s.

7. Lotman Ju. M. Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»: Kommentarij: posobie dlja uchitelja = A. S. Pushkin's novel «Eugene Onegin»: Comment: a teacher's book // Pushkin: Biografija pisatelja; Stat'i i zametki, 1960-1990; «Evgenij Onegin»: Kommentarij. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 1995. S. 472-762.
8. Pushkin A. S. Evgenij Onegin = Eugene Onegin // Sochinenija: v 3-h t. T. 2 Pojemy; Evgenij Onegin; Dramaticheskie proizvedenija. Moskva: Hudozhestvennaja literatura, 1986. S. 186-353.
9. Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponjatij: Izbrannye stat'i v 2-h t. T. 1 = Dictionary of basic historical concepts: Chosen articles in 2 vol. Vol. 1 / per. s nemeckogo. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 736 s.
10. Umbrashko K. B. Istoriograficheskie predstavlenija A.-L. Shlecera = Historiographic representations of A.-L. Schlozer // Interjekspo Geo-Sibir'. 2016. T. 6. № 1. S. 138-142.
11. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart osnovnogo obshhego obrazovanija = Federal State Educational Standard for Basic General Education / Ministerstvo obrazovanija i nauki Ros. Federacii. Moskva: Prosveshhenie, 2011. 48 s.
12. Cherepnin L. V. A. L. Shlecer i ego mesto v razvitii ruskoj istoricheskoi nauki = A. L. Schlozer and his place in the development of Russian historical science // Otechestvennye istoriki XVIII-XX vv.: sb. st., vystuplenij, vospominanij. Moskva: Nauka, 1984. S. 45-71.
13. Shlecer A. L. Vvedenie vo vseobshhuju istoriju dlja detej = Introduction to universal history for children / soch. A. L. Shlecera, b. prof. istorii v Gettingen. un-te; per. s nem. M. Pogodina. Ch. 1. Moskva: Univ. tip., 1829. 92 s.
14. Shlecer A. L. Nestor. Russkie letopisi na drevneslavjanskom jazyke, slichennye, perevedennye i ob#jasnennye A. L. Shlecerom = Russian chronicles in the ancient Slavic language, painted, translated and explained by A. L. Schlozer. Ch. I. Sankt-Peterburg: Imperatorskaja tipografija, 1809. 475 s.
15. August Ludwig v. Schlözer: Vorbereitung zur Weltgeschichte für Kinder. Ein Buch für Kinderlehrer / Hrsg. von Marko Demantowsky und Susanne Popp. Göttingen 2011. 267 S.
16. Caudenys W. Translation and Emergency of as an Academic Discipline in 18-th Century Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. Vol. 17. № 4. P. 721-752.
17. De Melo Araujo A. The truth of the criticism: the historical-critical method of August Ludwig (von) Schlozer and the historical pattern of judgments // Historia da Historiografia. 2015. № 18. P. 93-109.
18. Jordheim H. Synchronizing the World: Synchronism as Historiographical Practice, Then and Now // History of the Present: A Journal of Critical History. 2017. Vol. 7. № 1. P. 59-95.
19. Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. New York: Columbia University Press, 2004. 340 p.
20. Maiorov Alexander V. Schlozer and Karamzin. Struggle for Priority in Studying Russian Chronicles // Studi Slavistici. 2018. Vol. 15. № 1. P. 111-130.